Дворницкий

очерк

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖС226
8251

К.
1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
№ 49
П
ГЭС 226 р
Д 251
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)
35933
165-69
38

КЪ РУССКОМУ НАРОДУ

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ГОЛОСЪ

Русской Монархической Партіи въ г. Кіевѣ.

„Православной вѣрѣ—господство, каждой вѣрѣ—почитаніе“ (Слова Императ. Александра III).

„Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ“ (Псал. 114, 15).

„Русской народности подобаетъ всеобъединяющая и всеподчиняющая сила“. (Слова Императ. Александра III).

„Удали нечестивыя отъ лица царева, и исправится въ правдѣ престолъ его“ (Притч. 25, 5).

Очеркъ возникновенія политическихъ партій въ Россіи.

Мм. Гг.

Приступая къ своей дѣятельности, Кіевская Русская Монархическая Партія начала ее благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, отслуженнымъ здѣсь 5 февраля преосвященнымъ Агапитомъ, послѣ чего г. предсѣдатель Совѣта сказалъ рѣчь, въ которой вы-

Рѣчь, читанная Секретаремъ Совѣта К. Р. М. Партіи Г. С. Дверницкимъ на общемъ собраніи членовъ ея 12 февраля 1906 года въ залѣ Городской Думы.

яснилъ значеніе зиждительныхъ началъ самодержавія, православія и русской народности въ бытіи русскаго государства.

Естественно, самъ собою возникаетъ вопросъ: что за партія такая образовалась, зачѣмъ она?—еще вчера у насъ не было никакихъ партій—зачѣмъ понадобилось говорить о самодержавіи, православіи и русской народности и выяснять ихъ значеніе въ самодержавномъ, православномъ и русскомъ государствѣ? Развѣ мы потеряли вѣру въ зиждительное начало самодержавія, въ силу его истины? развѣ мы болѣе не православные, не русскіе люди?

Нѣтъ, мы остались, какъ и были, русскими православными людьми; мы попрежнему вѣримъ въ спасительную силу для насъ и для нашей страны самодержавія, почему и собрались здѣсь, сплоченные этой идеей, только собрала насъ воедино та опасность, которая грозной тучей нависла надъ нашимъ отечествомъ. Мы остались такими, какъ и были, но явилось нѣчто, чего не было раньше и что грозитъ нашему бытію, и вотъ мы собрались, чтобы провѣрить, не ошибались-ли мы до сихъ поръ, нужно-ли намъ и дальше оставаться самими собою, или идти по новой, указываемой намъ дорогѣ.

Ставя задачей выясненіе и правильное освѣщеніе вопросовъ и событій, выдвигаемыхъ жизнью, Совѣтъ Партіи поручилъ мнѣ изложить обстоятельства, приведшія къ образованію у насъ въ Россіи политическихъ партій. Во исполненіе этого порученія имѣю честь представить Вашему благосклонному вниманію слѣдующій очеркъ.

—

Переживаемый нами историческій моментъ имѣетъ большое и серьезное значеніе. Значеніе его не въ той безпримѣрной смутѣ, которая овладѣла страной и отъ

которой стонетъ наша родина, потрясенная до самыхъ основъ кучкой безумцевъ, забывшихъ Божій судъ и правду; его значеніе и не въ тѣхъ нравственныхъ мукахъ, какія мы испытываемъ при видѣ униженной, опозоренной и втоптанной въ грязь ея же дѣтьми Великой Святой Россіи: значеніе его въ томъ невѣдомомъ—свѣтломъ или мрачномъ, радостномъ или грозномъ будущемъ, которое явится на смѣну переживаемой нами эпохѣ. Что оно принесетъ намъ? Миръ и величіе Россіи, благоденствіе народа, или раздѣленіе, распаденіе, уничтоженіе могущественнаго доселѣ государства? И ужасъ овладѣваетъ при мысли о возможности послѣдняго, а кто же можетъ поднять завѣсу будущаго и хоть приблизительно сказать, что ждетъ насъ? Мы только знаемъ, что стоимъ на распутьи, и наше положеніе можно сравнить съ положеніемъ того путника, которому показалось, что онъ сбился съ дороги: продолжать прежній путь онъ не рѣшается вслѣдствіе овладѣвшаго имъ сомнѣнія, что дорога эта приведетъ къ цѣли потому, что она не на всемъ протяженіи гладко укатана, и нѣтъ у него въ то же время смѣлости рѣшительно свернуть въ сторону. Путникъ стоитъ въ задумчивости на одномъ мѣстѣ и точно не замѣчаетъ, что его со всѣхъ сторонъ облѣпили мошки, комары и сосутъ его кровь.

Я не буду утомлять Вашего вниманія изображеніемъ картины переживаемаго времени,—будущій историкъ нарисуетъ ее для потомства. Разсматриваемая въ исторической перспективѣ, когда стушуются всѣ мелочи, вызывающія у насъ чувства ужаса и отвращенія, она быть можетъ пріобрѣтетъ только характеръ грознаго величія, но мы слишкомъ близко стоимъ къ ней, чтобъ любоваться ею. Да намъ не до того и некогда: мы не только зрители разыгрываемой на исторической сценѣ великой драмы, мы въ то же время дѣйствующія лица. И въ этомъ тяжесть нашего положенія. Отъ жизни не уйдешь: мы не можемъ отрѣшиться отъ самихъ себя, встать въ сторонкѣ отъ все-

го, что происходитъ и, пропуская его мимо себя, или любоваться имъ и ликовать, или скорбѣть и печалиться; а то, что происходитъ, захватываетъ и насъ, да и происходитъ при нашемъ посредствѣ и участіи все равно, хотимъ-ли мы того или нѣтъ, и актерами въ жизни мы являемся поневолѣ, только разыгрываемъ не заученную заранѣе роль, какъ на сценѣ театра, а роль для насъ совершенно новую. Если событія исторіи и повторяются, если и были смуты на Руси, подобныя теперешней, то ихъ переживали не мы,—другіе люди, которые давно сошли въ могилу и которые только завѣщали намъ, что въ минуту бѣдствій и невзгодъ нельзя опускать рукъ, нужно дѣйствовать, бороться, а какъ—это ужъ наше дѣло. Жизнь не стоитъ, не ждетъ; нельзя и намъ стоять на мѣстѣ и раздумывать, а нужно и быстро понять происходящее вокругъ насъ, и выбрать оружіе для борьбы, и намѣтить способы ея. Тутъ не до того, чтобъ любоваться картиной переживаемаго. Да и тяжела она, эта картина! Что мы видимъ? Историческій ходъ жизни страны, насильно выбитый изъ своего русла, но не имѣющій силы проложить новый путь и принять новое теченіе, точно пріостановился. Жизнь въ странѣ какъ бы замерла, не смотря на головокружительную смѣну событій, не смотря на тысячи возникшихъ требованій и запросовъ. Всѣ мы въ смятеніи, всѣ испытываемъ томительное чувство тревоги и точно околдованные стоимъ въ какой-то нерѣшительности передъ истерзанной, измученной родиной и чего-то ждемъ. А ждать нельзя: смута ширится, кровь льется!

Какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ въ жизни царствъ и народовъ бываютъ рѣшающіе моменты, тѣ поворотные пункты, съ которыхъ начинается новое настроеніе, новая жизнь. Такимъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни русскаго государства былъ актъ 17 октября прошлаго года. Державной волей Государя населенію Россіи даны свобода совѣсти и слова,

свобода собраній и союзовъ и неприкосновенность личности, расширены выборныя права населенія въ Государственную Думу, а послѣдней предоставлена законодательная власть. Каково бы ни было происхожденіе этого акта: есть-ли онъ совершенно свободное волеизъявленіе Государя, или Государь, издавая его, былъ введенъ въ обманъ и заблужденіе недобросовѣстными совѣтниками, коренное русское населеніе встрѣтило его съ полной покорностью, какъ актъ царской воли, всегда священной для него, и съ благоговѣйной благодарностью за дарованныя милости, но не такъ отнеслось къ нему все инородчество, входящее въ составъ нашего государства, и та горсть измѣнившей родинѣ интеллигенціи, которая примкнула къ врагамъ ея вмѣстѣ со сбитой съ толку частью рабочаго люда. Въ актѣ царской милости эти преступные элементы усмотрѣли не даръ царя народу, а уступку ихъ дерзкимъ требованіямъ со стороны не только де по ихъ представленію ослабѣвшей, но давно отжившей уже царской власти, и опьяненные приписываемой себѣ побѣдой, опьяненные кровью русскихъ людей, такъ нещадно ими проливаемой, они въ дикомъ умоизступленіи выступили съ новыми требованіями. Въ слѣпомъ самомнѣніи имъ казалось, что они—несокрушимая сила, что еще одинъ натискъ и ненавистный имъ строй рухнетъ, Россія распадется и, ставъ господами положенія, они на ея развалинахъ отпразднуютъ свой кровавый шабасъ. Съ дикой яростью стали они рвать царскіе портреты и ломать эмблемы на глазахъ народа, изумленнаго такой невѣроятной дерзостью кучки обезумѣвшихъ наглецовъ,и воспользовавшись вызваннымъ ими же временнымъ замѣшательствомъ и растерянностью властей, подняли неслыханную смуту и навели ужасъ и уныніе на все мирное населеніе. Надъ страной пронесся революціонный ураганъ. Точно бѣшенство овладѣло людьми, точно всѣ сразу сошли съума и закружились въ какой-то дикой, безумной пляскѣ. Но праздникъ революціи длился немного. Революціонный вихрь не-

ожиданно для себя ударился о грудь русскаго народа, не выдержалъ и разсѣялся, исчезъ, какъ дымъ. Все преступное, такъ нагло и такъ внезапно выползшее на свѣтъ Божій изъ подполья, гдѣ прежде ютилось и втайнѣ дѣлало свою адскую работу заговора, вернулось туда же, шипя отъ злобы и безсилія, но не отказалось отъ своихъ преступныхъ замысловъ, напротивъ, еще съ большей яростью стало грозить разгромомъ чуть не всему міру. Русскій народъ названъ „черной сотней“ и ему объявлена война. Это не преувеличеніе и не реторическое выраженіе. На конференціи сѣверныхъ комитетовъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, засѣдавшей въ Москвѣ съ 21 по 23 ноября прошлаго года, въ числѣ другихъ постановленій 6-мъ пунктомъ указана „партизанская война съ правительствомъ и черной сотней“, для борьбы съ которой рекомендуется систематическое уничтоженіе ея вдохновителей и такая же борьба съ полиціей и войскомъ преимущественно съ козаками. Но кто же объявилъ намъ эту войну и чего хочетъ отъ насъ противная сторона?

Фактъ точно установленъ самимъ правительствомъ, помимо того, что онъ у насъ на глазахъ: война объявлена намъ нашимъ инородчествомъ; а чего оно отъ насъ хочетъ, это оно само сейчасъ скажетъ.

Наши инородцы, и особенно евреи, не довольны условіями своей жизни у насъ. Объ этомъ мы знаемъ давно, а за послѣднее время ихъ жалобы стали раздаваться особенно настойчиво и громко и не пропали даромъ. Эти жалобы, ловко внушаемыя въ формѣ расплывчатыхъ космополитическихъ идей о какомъ-то міровомъ гражданинѣ, незнающемъ ни родины, ни національности, были подхвачены прежде всего одураченной еврействомъ нашей учащейся незрѣлой молодежью и поддержаны той частью русской интеллигенціи, которая, утративъ чувство патріотизма и національнаго самосознанія, стала приспѣшницей еврей-

ства. Послѣднее, всегда дерзкое благодаря своей кагальной организаціи, а теперь въ конецъ онаглѣвшее вслѣдствіе оказанной ему поддержки, съ краснымъ флагомъ въ одной рукѣ и съ бомбой или браунингомъ въ другой прежде всего потребовало полнаго уравненія его въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ страны, взывая въ то же время ко всему міру о тѣхъ обидахъ и притѣсненіяхъ, какія чинитъ ему русское правительство. И эта ложь широко стала распространяться среди общества и народа и постепенно захватывать все большій кругъ. Опасная ложь! Достаточно взглянуть на дѣло безъ предубѣжденія и уже одинъ здравый смыслъ скажетъ, что государство не можетъ притѣснять своихъ подданныхъ хотя бы только потому, что это ему не выгодно, и если тѣмъ не менѣе наши инородцы лишены нѣкоторыхъ правъ, то для этого, само собою, имѣются достаточно уважительныя причины.

Еврейскій вопросъ это—нашъ болѣзненный вопросъ; это вопросъ, который если и можно рѣшить даже въ четверть часа, то только развѣ на студенческой сходкѣ. Вопросъ этотъ имѣетъ цѣлую литературу, а работавшіе надъ нимъ—люди серьезные и безпристрастные—одинаково приходятъ къ убѣжденію въ его неразрѣшимости. Въ программу моей рѣчи не входитъ конечно рѣшеніе этого вопроса, но я позволю себѣ обратить Ваше благосклонное вниманіе на этическую сторону его.

Въ силу быть можетъ несчастно сложившихся для евреевъ историческихъ условій и благодаря племеннымъ особенностямъ, еврей выродился въ паразита по преимуществу. Еврей скажетъ, что въ этомъ онъ не повиненъ. Пусть. Но не повинно же въ этомъ и то общество, въ которомъ онъ живетъ и которое эксплоатируетъ. Если принять во вниманіе разницу въ соціально-религіозныхъ воззрѣніяхъ еврея и христіанина, то одна мысль поставить ихъ на одномъ уровнѣ будетъ обидна для послѣдняго. Нравственныя

убѣжденія одного совершенно идутъ въ разрѣзъ съ этическими воззрѣніями другого и то, что одинъ считаетъ для себя унизительнымъ, позорнымъ, преступнымъ, то другой находитъ не только возможнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязательнымъ для себя. Нельзя ставить вровень съ собой паразита, замѣнившаго всякое нравственное чувство сухимъ разсчетомъ на наживу, не стѣсняющагося никакими средствами въ достиженіи своихъ выгодъ, потому что это прямо предписывается ему его религіознымъ ученіемъ, незнающаго и нежелающаго знать никакого продуктивнаго но тяжелаго труда и только умѣющаго безъ жалости сосать кровь того организма, въ который впился. Но мысль о равноправіи евреевъ и опасна: равноправіе—это гибель страны. Оно грозитъ во 1-хъ, экономическимъ ея разореніемъ какъ въ Австро Венгріи, гдѣ славянское населеніе по крайней мѣрѣ русское по происхожденію и православное по вѣрѣ, не смотря на пресловутую конституцію, влачитъ нищенское существованіе; во 2-хъ, оно понижаетъ нравственные идеалы какъ во Франціи, гдѣ евреи, въ благодарность за дарованныя имъ сто лѣтъ тому назадъ права, закрываютъ религіозныя общества, изгоняютъ монаховъ, преслѣдуютъ офицеровъ, посѣщающихъ церковь, удаляютъ изображенія Христа изъ залъ суда и школъ и всячески издѣваются надъ вѣрованіями народа, который все это терпитъ; наконецъ въ 3-хъ, это равноправіе грозитъ политическимъ разгромомъ страны —примѣръ Польши на глазахъ, а что будетъ съ прекрасной Франціей,—пока Богу вѣдомо. Впрочемъ, зачѣмъ такъ далеко ходить за примѣрами: развѣ у насъ не говорили уже о возможности вмѣшательства въ нашу жизнь и дѣла западно-европейскихъ державъ? Продлись смута и—кто знаетъ! Если наше правительство отказывало до сихъ поръ евреямъ въ уравненіи ихъ въ правахъ съ русскимъ населеніемъ, то это было актомъ его мудрости: въ этомъ случаѣ оно шло въ направленіи, указываемомъ самимъ русскимъ народомъ, а потому и подавно свободно отъ упрековъ въ притѣсненіи евреевъ.

Возьмемъ еще примѣръ—поляковъ: ихъ мы тоже хорошо знаемъ, какъ близкихъ сосѣдей, да имъ къ тому же и по праву принадлежитъ второе мѣсто послѣ евреевъ въ исторіи нашего освободительнаго движенія. Живя у насъ въ этомъ краѣ, они, напр., свободно отправляютъ свои религіозныя нужды, для чего въ достаточномъ количествѣ имѣютъ храмы и ксендзовъ; но предоставленіе имъ права строить здѣсь костелы въ неограниченномъ числѣ, устраивать по улицамъ городовъ торжественныя процессіи къ соблазну православныхъ, что дѣлалось еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; глумленіемъ надъ православной вѣрой совращать въ католичество, что дѣлается теперь въ предѣлахъ Польши и Литвы, лишь только была объявлена нашимъ великодушнымъ Монархомъ вѣротерпимость 17 апрѣля прошлаго года; дѣлать изъ костеловъ склады оружія, призывать съ амвоновъ не къ миру и любви, завѣщанныхъ Христомъ, а къ возмущенію и кровопролитію,—это было бы не только явной несправедливостью по отношенію къ русскому населенію, но и актомъ величайшаго неблагоразумія. Вѣдь это вторично только привело бы къ 63-му году, но мы и перваго еще не забыли, а былъ также и годъ 31-й. Законъ исторической Немезиды не нами созданъ. Онъ такъ же суровъ и не преклоненъ, какъ и всякій законъ природы, которому одинаково подчиняется какъ и тотъ, на долю котораго выпало примѣнять его, такъ и тотъ, къ которому онъ примѣняется. Это во 1-хъ, а во 2-хъ, если, ограждая интересы русскаго государства, наше правительство отказывало и полякамъ кое въ какихъ правахъ, то не мы, русскіе, упрекнемъ его за это.

Будемъ однако помнить, что равноправіемъ вопросъ не рѣшается; наши инородцы, если бы и были уравнены въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, удовлетворены этимъ не будутъ, потому что равноправіе—только первая ступень или къ господству, къ чему стремятся евреи, или къ полному отпаденію, о

чемъ мечтаютъ поляки и другіе. Для всѣхъ этихъ господъ мало равноправія: они не довольны самой формой нашего государственнаго устройства и нашей жизни и прежде всего хотятъ ввести у насъ строй западно-европейскій. Но если они только не правы, претендуя на уравненіе въ правахъ, то въ послѣднемъ случаѣ ихъ мечты прямо безумны, не говоря уже объ ихъ непостижимой дерзости. Прежде всего почему намъ полутораста милліонному народу не жить своей собственной жизнью, которой мы прожили уже, слава Богу, тысячу лѣтъ и живемъ вторую, а въ угоду расходившимся гимназистамъ и фармацевтамъ непремѣнно перенять жизнь Западной Европы? Затѣмъ, что же намъ перенять оттуда? Нѣмецкую конституцію? А почему не французскую республику? Почему не федеративное устройство по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, или не демократическую республику Швейцаріи? Ни условія историко-этнографическія и культурныя, ни даже условія географическія и климатическія, имѣющія такое неотразимое вліяніе какъ на бытовой складъ жизни народа, такъ и на его міровоззрѣніе, не говоря уже о воззрѣніяхъ религіозныхъ— этой основѣ всякаго общественно-государственнаго строя,— ничто не принимается во вниманіе нашими революціонерами: вынь, да положь имъ: однимъ конституцію, другимъ республику, третимъ федеративный союзъ, четвертымъ даже полную анархію, а какъ удовлетворить всѣхъ ихъ вмѣстѣ, этого они и сами не знаютъ, по крайней мѣрѣ не говорятъ. Само собою, раньше чѣмъ предъявлять какія бы то ни было требованія и мечтать объ ихъ осуществленіи, слѣдовало бы спросить, желаетъ ли этого хозяинъ въ своей странѣ—русскій народъ. Но дерзость инородцевъ и нашихъ русскихъ крамольниковъ—этихъ прихвостней революціи—зашла такъ далеко, что они рѣшили переустроить русское царство на свой ладъ и безъ вѣдома народа, хотя и прикрываясь его именемъ. Право, умѣстно спросить: ужъ не имѣемъ-ли мы дѣло

съ сумасшедшими? Пожалуй, да. Дѣйствительно, нужна дерзость, незнающая предѣловъ, дерзость, положительно граничащая съ сумасшествіемъ, чтобы представляя изъ себя по численности сравнительно съ населеніемъ страны небольшую кучку людей, въ большинствѣ еще несошедшихъ со школьной скамьи, хотя бы и съ самыми разрушительными стремленіями, и сбивъ съ толку несбыточными посулами заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, мечтать опрокинуть государственный строй въ странѣ, занимающей $^1/_6$ часть суши, тотъ строй, который созданъ самимъ народомъ, съ которымъ народъ сжился вѣками. На первый взглядъ даже на правду не похоже, даже не вѣрится, чтобъ это было возможно, еслибъ оно не происходило у насъ на глазахъ; къ сожалѣнію, это не сказка, а грустная, очень грустная дѣйствительность и при томъ—будемъ помнить это—дѣйствительность далеко небезопасная. Наши доморощенные революціонеры не видятъ той жалкой, презрѣнной роли, какую они осуждены играть, являясь всего только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ инородцевъ. Но тѣмъ они опаснѣе: на что не способенъ сумасшедшій, дѣйствующій подъ вліяніемъ внушенной ему идеи, разъ онъ на свободѣ? И мы видимъ, какихъ бѣдъ уже надѣлали намъ наши революціонеры. Затѣмъ, объединенные чувствомъ ненависти къ Россіи, они не смотря на свою малочисленность, представляютъ изъ себя извѣстную силу потому, что не брезгаютъ никакими средствами и обманъ, такъ широко ими практикуемый, является главнѣйшимъ изъ нихъ. Будемъ однако справедливы и по отношеніе къ нашимъ врагамъ: признаемъ, что многіе изъ нихъ, сами обманутые, не сознаютъ обмана и губя и позоря свою родину, полагаютъ, что работаютъ для ея блага. Но намъ вѣдь отъ этого не легче. Пусть человѣкъ и свято убѣжденъ въ томъ, что Россіи нужна конституція и распинается за нее по убѣжденію. Я говорю, что намъ отъ этого не легче потому во 1-хъ, что по нашему такому же убѣжденію этой конституціи намъ и даромъ

не надо, а во 2-хъ, мы же вѣдь знаемъ, что дѣло не въ конституціи.

Я имѣлъ честь сказать уже, что инородчество объявило русскому народу войну. Но эта война объявлена намъ не со вчерашняго дня: она ведется давно, и о ней наши инородцы говорятъ совершенно свободно и открыто. Въ одной изъ стокгольмскихъ газетъ (Fria Ord) помѣщена еще 11 ноября 1902 года статья, въ которой финляндско-шведскіе революціонеры пишутъ: „Поляки, малороссы, остзейцы, евреи, кавказцы —всѣ эти національности въ одинаковой степени, какъ и либеральные элементы великороссовъ, увѣрены, что лишь отмѣна самодержавія можетъ обезпечить культуру и цивилизацію Россіи, а поэтому и ихъ права. Ни одна изъ этихъ группъ не обладаетъ способностью собирать вокругъ себя остальныя. Мы же (т. е. шведы и финляндцы) съумѣемъ стать ядромъ, вокругъ котораго соберутся остальные оппозиціонные элементы, мы можемъ способствовать организаціи силъ, составленію практически выполнимой программы и общаго плана политической работы. Дни самодержавія сочтены, хотя срока еще не вѣдаемъ. Но помочь уменьшить этотъ срокъ мы можемъ и должны это сдѣлать, чтобы имѣть право голоса, когда настанетъ дѣлежъ наслѣдства русскаго царства“ *).

Это написано три съ лишнимъ года тому назадъ. Кажется, не въ конституціи дѣло и достаточно ясно, чего хочетъ отъ насъ наше инородчество, объявившее намъ войну.

Центръ, вокругъ котораго движется мысль революціи,—самодержавіе. Уничтожить его—это цѣль всѣхъ возставшихъ инородцевъ, но уничтоженіе само-

---

*) Русскій Вѣстникъ, январь 1906 г.

державія понимается ими какъ уничтоженіе единства и цѣлости имперіи, какъ раздѣлъ Россіи. И не только шведы и финны готовы стать во главѣ революціонныхъ организацій и работать для сверженія самодержавія. Дѣлежъ наслѣдства русскаго царства сулитъ слишкомъ много, чтобъ отказаться отъ него; это наслѣдство такъ громадно, такъ соблазнительно, что при одной мысли о немъ у нашихъ инородцевъ закружилась голова и повѣривъ на минуту своему измышленію, что дни самодержавія сочтены, они пренахально стали протягивать къ этому наслѣдству руки, еще и не похоронивъ самодержавія; да чего лучше —даже наше хотя и дерзкое, но по природѣ всегда трусливое еврейство, и то, какъ это ни невѣроятно, стало внутри страны во главѣ революціоннаго движенія. Было изъ-за чего поработать!

А что же мы?

Мы не всѣ спали. Увлеченные мыслью объ освободительномъ движеніи, поддавшись стадному чувству, которое овладѣло толпой, мы вмѣстѣ съ ней щедро платили дань безумію. Вмѣсто того чтобъ сдержать ее и образумить, мы подѣлали изъ храмовъ науки конюшни, рисовались на каѳедрахъ и выступали въ качествѣ ораторовъ передъ многолюдной аудиторіей изъ учениковъ и ученицъ до второго класса включительно и еврейскихъ подростковъ обоего пола изъ разныхъ мастерскихъ, поздравляя своихъ малолѣтнихъ слушателей съ тѣмъ, что наконецъ и мы дождались настоящей революціи. О, мы ревностно служили освободительному движенію! мы отдали ему въ жертву все, что только было у насъ дорогого—мы служили ему путемъ политическаго разврата и нравственнаго убійства тысячъ нашихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, а 20-го - прости намъ Боже—съ спокойной совѣстью выполненнаго долга хотя и не по принесенной присягѣ расписывались въ полученіи казеннаго жалованья. Наша нравственная дряблость, отсутствіе чувства патріотизма и національной гордости, наша тру-

сость, которую мы называемъ почему-то гуманностью, и наше невѣжество были той почвой, на которой выросло пережитое нами въ его острой формѣ но далеко еще незаконченное революціонное движеніе. Мы не только дали возможность нашимъ инородцамъ выступить съ ихъ сепаратистскими требованіями и стремленіями, мы поддерживали ихъ, помогали имъ. И наше безуміе зашло такъ далеко, что мы своими собственными руками преподнесли Польшѣ автономію, т. е., собственно говоря, отдѣлили ее отъ Россіи. Это было на октябрьскомъ съѣздѣ въ Москвѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, куда они явились въ качествѣ уполномоченныхъ отъ земствъ и городовъ, но какъ потомъ обнаружилось, оказались въ большинствѣ всего только самозванцами, т. е., просто говоря, обманщиками. Безуміе не могло идти дальше, началось отрезвленіе, наступилъ поворотъ. Въ противовѣсъ всякимъ проходимцамъ, такъ безцеремонно распоряжавшимся Россіею, стали возникать на почвѣ акта 17 октября политическія партіи, ставившія первымъ пунктомъ своей программы положеніе о единствѣ и недѣлимости Россіи. До 17 октября Россія не знала никакихъ политическихъ партій. Она и въ смыслѣ политическаго строя, какъ и въ смыслѣ географическомъ была единая Россія. Самодержавіе было религіей страны, тѣмъ цементомъ, который сплачивалъ въ одну семью многочисленныя народности, населяющія ее. Были конечно и иныя вожделѣнія—наша революція изъ нихъ выросла—но проповѣдники этихъ идей, не будучи признаны, такъ сказать, оффиціально, и сами смотрѣли на себя какъ на сообщества преступныя: 17-е октября вызвало ихъ къ жизни. Неясная редакція этого акта, наша неподготовленность къ нему и политическая незрѣлость произвели въ странѣ полный переворотъ. Какъ противодѣйствіе, стали возникать партіи съ направленіемъ менѣе крайнимъ, но все же опаснымъ для цѣлости государства. О конституціи въ необъятной Россіи можно говорить только по недоразумѣнію: конституція

въ Россіи—это первый шагъ къ ея распаденію и уничтоженію. А большинство образовавшихся партій —конституціонныя. Единство же и цѣлость столь обширной и многонародной имперіи требуетъ единой мощной верховной власти, притомъ непремѣнно національной, т. е. такой, чтобы она находила свое освященіе въ православной церкви и повелѣвала отъ края и до края единственно лишь на русскомъ языкѣ. Мы естественно приходимъ къ мысли, что русская народность, исповѣдуемое ею православіе и наше самодержавіе—едино. Опасность, которая грозитъ самодержавію, одинаково грозитъ русскому народу, одинаково грозитъ православной вѣрѣ. Отсюда сама собою вытекаетъ мысль о необходимости возникновенія партій монархическихъ. И такія партіи стали возникать. Возникла партія въ Москвѣ съ ея развѣтвленіями въ разныхъ городахъ, возникла въ Кіевѣ, возникнутъ онѣ и въ другихъ мѣстахъ, а единство задачъ и стремленій сольетъ ихъ впослѣдствіи въ одну всероссійскую монархическую партію, которая, включивъ въ себя весь русскій народъ, станетъ сознательнымъ оплотомъ нашему самодержавію и тогда не страшны ему будутъ никакіе враги.

Мысль объ образованіи монархической партіи въ Кіевѣ возникла въ октябрѣ прошлаго года въ небольшомъ кружкѣ лицъ и, передаваясь отъ одного къ другому, привлекала все большій контингентъ единомышленниковъ. Первымъ актомъ дѣятельности возникшей партіи было поднесеніе 18-го декабря привѣтственнаго адреса редактору „Кіевлянина“ Дмитрію Ивановичу Пихно, какъ стойкому борцу за исконныя русскія начала. Этимъ же актомъ партія заявила о своемъ существованіи и съ 28-го декабря начала открыто принимать въ члены, но не иначе какъ по рекомендаціи двухъ уже раньше вступившихъ въ члены партіи и по баллотировкѣ въ Совѣтѣ. Въ на-

стоящее время въ партіи числится 362 члена, а также имѣются члены—сотрудники въ разныхъ городахъ края.

Выступая на великое дѣло служенія нашей родинѣ по мѣрѣ силъ своихъ, мы призываемъ всѣхъ сочувствующихъ намъ присоединиться и твердо вѣримъ, что Господь намъ поможетъ.

12 февраля 1906 года.

Г. Дверницкій.

35933

Дозв. цензурою. Кіевъ, 27 Февраля 1906 г. Тип. И. И. Горбунова.